

Археология: история и перспективы

Шестая
международная
конференция

Ярославль
2014

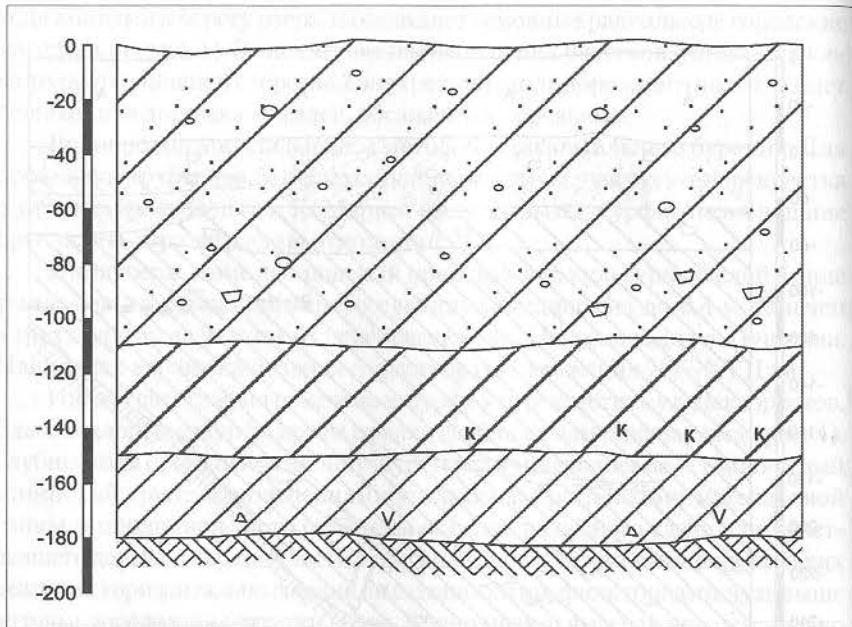

Рис. 5. Траншея по Окружной ул., участок напротив д. № 58, профиль южной стены. Условные обозначения аналогичны рис. 4.

в 1987 г., где были обнаружены отложения конца XI – начала XIII в.⁹ Наблюдения нынешнего года позволяют расширить ареал распространения древнерусского культурного слоя далее в напольную сторону.

Подводя итог охранным работам 2012 г., можно отметить их важность и информативность. Значительная площадь наблюдений, фиксация подъемного материала по участкам с привязкой их по глубине залегания позволили, в частности, получить новые данные о дорегулярной планировке Ростова Великого, расположении отдельных объектов вдоль Покровской ул. Работы на Окружной ул. позволили уточнить границы распространения раннегородских отложений, выявили не отмеченный в других источниках способ обустройства уличного покрытия одной из центральных городских улиц. Интерес представляют выявленные на перекрестке с ул. Декабристов вероятные следы городского рва (?), в связи с чем необходимо внимательно следить за земляными работами на этом участке городской территории.

⁹ Леонтьев А. Е. Отчет о полевых исследованиях Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР в 1987 г. // Архив ИА РАН. № 15 156. С. 40–51.

В. Н. Себых, Я. В. Френкель

Санкт-Петербург

О бремени и обряде основного погребения кургана 95 Тимеревского могильника

Находка описываемых бусин в кургане 95 Тимеревского могильника важна не только для датирования данного погребального комплекса, но и для определения времени возникновения всего памятника.

И. В. Дубов, 1976. С. 85

В 1973 г. Ярославская археологическая экспедиция Ленинградского государственного университета под руководством И. В. Дубова начала исследования у дер. Большое Тимерево. В тот сезон было открыто селище рядом с известным курганным могильником, был обнаружен клад арабских дирхемов IX в., а также был раскопан курган № 95¹. Тем самым была показана возможность и перспективность изучения курганов, имеющих следы прежних раскопок².

В 1976 г. И. В. Дубовым были опубликованы материалы раскопок этого кургана, датированного автором первой половиной IX в.³ С этого времени комплекс кургана 95 стал одной из опор для определения возможной ниж-

¹ Дубов И. В. Ярославская экспедиция // АО 1973 года. М., 1974. С. 51; Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным) // Вестник ЛГУ. Серия 2. История, язык, литература. Вып. 1. Л., 1975. С. 65–70.

² Вскоре к раскопкам таких курганов обратилась экспедиция ГИМ под руководством М. В. Фехнер. См.: Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Полякова Г. Ф., Фехнер М. В. Тимеревский могильник близ Ярославля // АО 1974 года. М., 1975. С. 67–68; Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. 1) Раскопки Тимеревского могильника // АО 1975 года. М., 1976. С. 75–76; 2) Раскопки Тимеревского могильника в Ярославле // АО 1976 года. М., 1977. С. 59–60; 3) Исследования Тимеревского могильника близ Ярославля // АО 1977 года. М., 1978. С. 72–73; Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Раскопки Тимеревского могильника близ Ярославля // АО 1978 года. М., 1979. С. 76.

³ Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 82–86.

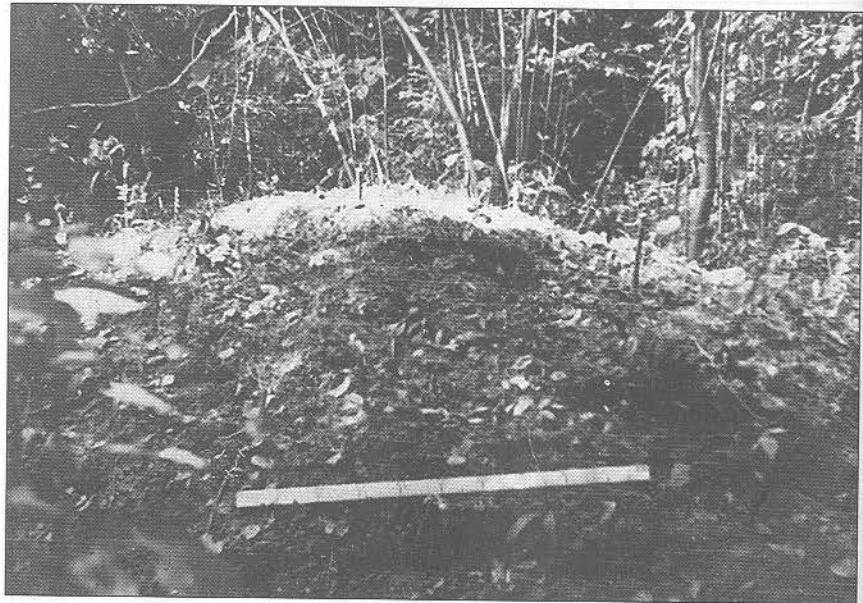

Рис. 1а. Курган 95 Тимеревского курганного могильника. Вид до раскопок с юга (из фотоархива Ярославской экспедиции ЛГУ—СПбГУ)

ней даты могильника и датировки всего Тимеревского археологического комплекса⁴. Предложенная дата была принята и одним из авторов данной публикации⁵. Позднее И. В. Дубов отметил, что для датировки основного погребения кургана первой половиной IX в. требуются дополнительные обоснования⁶. По его мнению, курган 95 входит в число ранних насыпей IX — первой половиной X в., в своем расположении образующих полосу, проходящую через центр могильника⁷. Московские исследователи также включают 95-й курган в число ранних захоронений могильника, датирующихся рубежом IX–X вв.⁸ В литературе этот комплекс по дате (IX в.) сопоставляется с комплексом кургана Урицкое (Костино)-95-II в юго-

⁴ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. (Историко-археологические очерки). Л., 1982.; Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 188, 255.

⁵ См., например: Седых В. Н. О ранней дате Тимерева // Археология — история и перспективы. Четвертая межрегиональная конференция. Сборник статей / Под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль, Рыбинск, 2010. С. 160.

⁶ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. (Историко-археологические очерки). Л., 1982. С. 128, списка 26.

⁷ Дубов И. В. Микротопография ярославских могильников // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 50. Рис. 1.

⁸ Недашвили Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2. С. 111. Рис. 7.

восточном Приладожье, в котором были обнаружены две скорлупообразные фибулы (тип 27 по Я. Петерсену) и равноплечная (тип 58 по Я. Петерсену)⁹.

Основаниями для этнической атрибуции и датировки 95-го кургана были обряд погребения и инвентарь — монеты, фибула, гребень и бусы, в первую очередь, металлические. Рассмотрим эти основания подробнее.

Обряд. В ходе исследования в основании кургана 95 впервые была зафиксирована подтреугольная или ладьевидная выкладка, впоследствии не раз обнаруженная во время раскопок могильника. Кроме того, были зафиксированы необожженные кости жертвенной курицы (петуха), помещенные уже на погасший погребальный костер¹⁰.

Монеты (рис. 2: 25). На кострище были обнаружены фрагменты трех монет второй половины VIII в. — двух дирхемов и полудрахмы аббасидских наместников Табаристана. Укажем на неотмеченный И. В. Дубовым факт: на одной из монет зафиксированы следы клепки, вероятно, от ушка (рис. 3). Таким образом, возможно, одна из монет представляла собой монету-привеску, т. е. украшение.

Фибула (рис. 2: 24). Отнесена автором раскопок к односкорлупным овальным фибулам типов 27, 30 или 31, по Я. Петерсену¹¹. Необходимо отметить, что фрагмент слишком мал и сильно оплавлен, чтобы с определенностью можно было отнести его к указанным типам.

Гребень (рис. 2: 16–20). Отнесен автором раскопок к односторонним орнаментированным гребням, при этом им отмечены аналогии

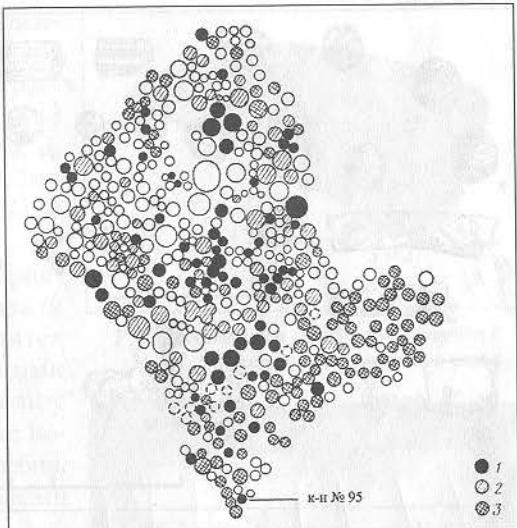

Рис. 1б. Тимеревский могильник. 1 — курганы IX — первой половины X в.; 2 — курганы середины X в.; 3 — курганы второй половины X — начала XI в. (по: Дубов, 1981. С. 50, рис. 1)

⁹ Богуславский О. И., Яблоник Д. Л. Ранние скандинавские находки в юго-восточном Приладожье в контексте синхронных скандинавских импортов // История и археология Новгородской земли. Новгород, 1987. С. 25–26.

¹⁰ Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 85.

¹¹ Там же. С. 85–86.

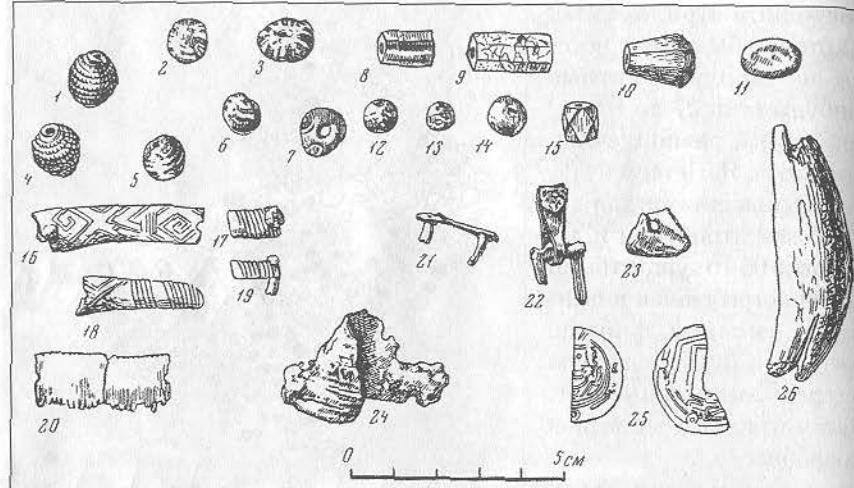

Рис. 2. Ивентарь погребения по обряду трупосожжения кургана 95 Тимеревского могильника. 1, 4 – серебряные бусы; 2, 3, 5–7 – стеклянные бусы; 8–10, 12–15 – каменные бусы; 11 – сердоликовая вставка от перстня; 16–20 – обломки гребня; 21–23 – обломки бронзовых предметов; 24 – обломок фибулы; 25 – монеты; 26 – подвеска из клыка медведя (по: Дубов, 1976. С. 84, рис. 2)

«в балтийских странах, где они датируются IX–X вв.»¹². Составные односторонние орнаментированные гребни небольших размеров, в литературе именуемые гребнями второй группы, по О. И. Давидан¹³, ведут свое происхождение от западноскандинавских и датируются IX–XI вв., получив широкое распространение в Западной и Восточной Европе. На Руси в X веке это – ведущая форма. При характеристике материалов Сарского городища А. Е. Леонтьев счел возможным датировать гребень из кургана 95 предположительно второй половиной IX в.¹⁴ О. А. Кондратьева датирует древнерусские находки X – концом XI в., но отмечает, что «отдельные экземпляры происходят из слоев IX–X вв. Пскова и ладожского слоя D конца IX – X в.»¹⁵. Заметим, что нижняя граница горизонта D традиционной стратиграфии Земляного городища Старой Ладоги в течение долгого времени датировалась с 900 г. Такой точки

¹² Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 85.

¹³ Давидан О. И. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 4. Л., 1962. С. 95–108; Давидан О. И. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 10. Л., 1968. С. 54–63.

¹⁴ Леонтьев А. Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 153.

¹⁵ Кондратьева О. А. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России. Археологические и этнографические очерки. СПб., 2011. С. 73–74, 76, 103, 125.

зрения какое-то время придерживался и Е. А. Рябинин¹⁶. Однако позднее на основании своих раскопок Е. А. Рябинин сместил нижнюю границу горизонта D, переместив ее в 920-е годы¹⁷. Это породило известную путаницу в специальной литературе¹⁸.

И. В. Дубов при датировке гребня указывал, что детали тимеревского гребня крепятся железными, а не бронзовыми гвоздиками, что говорит в пользу ранней даты¹⁹. В материалах похоронения есть фрагменты гребня, которые скреплены и бронзовыми шпеньками (рис. 3).

Металлические бусы (рис. 2: 1, 4): в погребении были обнаружены биконические бусы из серебряной рубчатой проволоки. И. В. Дубов, ссылаясь на Г. Ф. Корзухину²⁰, называет для узко датируемых скандинавских погребений с такими бусами дату IX век²¹. В дальнейшем интервал бытования таких бус был заметно скорректирован: верхняя граница пере-

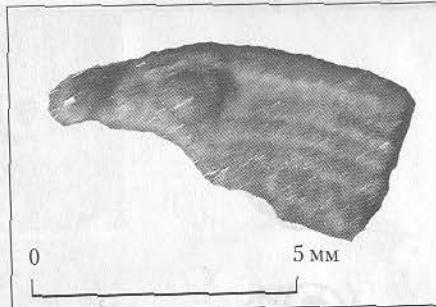

Рис. 3. Фрагмент серебряной монеты с остатками прикрепленного ушка

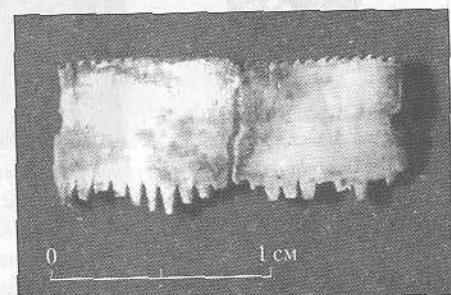

Рис. 4. Фрагмент составного костяного орнаментированного гребня с полевым этикетажем: «...фрагмент кост. гребня с бронз. шпеньком»

¹⁶ Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., Наука, 1985. С. 37.

¹⁷ Рябинин Е., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 98.

¹⁸ Френкель Я. В. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы ЛПИ заседания. Псков, 2008. С. 245–247.

¹⁹ Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 85.

²⁰ Ссылка была приведена не вполне корректно – подробнее см.: Френкель Я. В. Борьба за курган № 7 скандинавского могильника Плакун (о датировке кургана и о синхронизации его с культурными наследствованиями Земляного городища Старой Ладоги) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. СПб., 2010. С. 551–552.

²¹ Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 85.

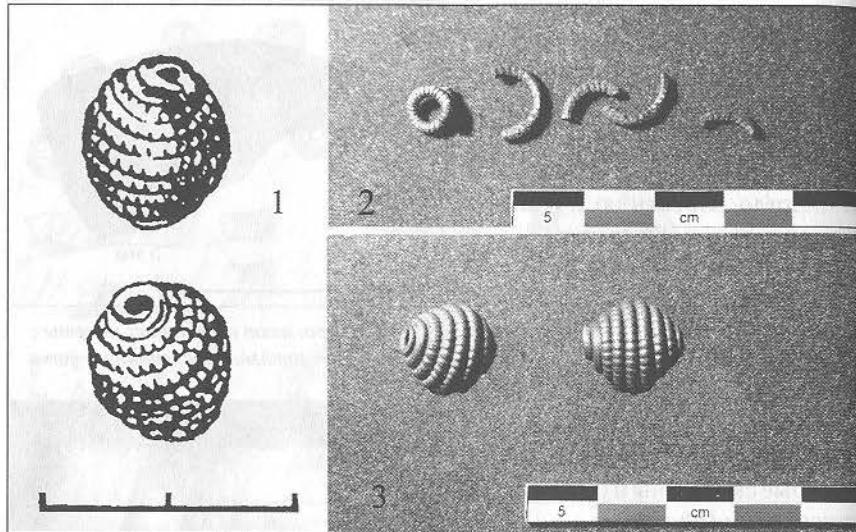

Рис. 5. Биконические бусы из серебряной рубчатой проволоки. 1 – целые экземпляры (по: Дубов, 1976. С. 84, рис. 2, 1, 4); 2 – фрагменты бус; 3 – целые экземпляры

местилась в XI век. Подобным бусам И. В. Дубов посвятил отдельную короткую публикацию²².

Значительную помощь при реконструкции обряда и при датировке основного погребения – двойного трупосожжения – кургана № 95 может оказать анализ полного набора бус этого комплекса, включая стеклянные и каменные.

Состав коллекции бус

Бусы, как и прочие находки из кургана 95, хранятся в фонде археологии Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.²³ Непосредственно ознакомиться нам удалось только с частью коллекции: со стеклянными бусами, бусами из серебряной рубчатой проволоки и некоторыми каменными бусами. В большинстве случаев перечисленные бусы оказались депаспортизованными²⁴. Шифрами были снабжены лишь 7 экземпляров²⁵ – все это были

²² Дубов И. В. О биконических проволочных бусах северного происхождения // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М. Петрозаводск, 1997. С. 186–187.

²³ Коллекция ЯМЗ – 40300.

²⁴ В хранении имелись пустые коробочки с этикетками, но без бус.

²⁵ ЯРЭ – 73/62, 65, 66, 68, 89, 101, 102.

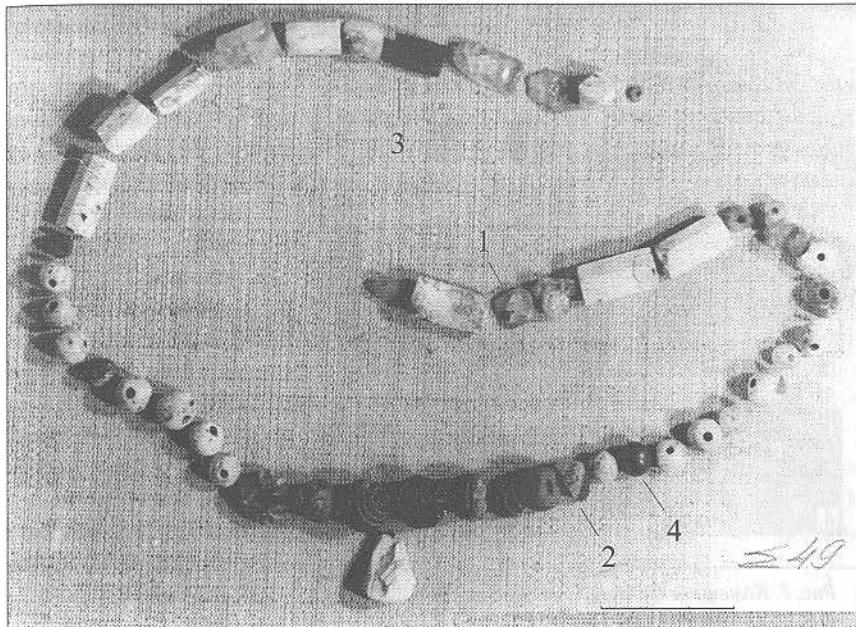

Рис. 6. Бусы из фотоархива Ярославской экспедиции ЛГУ – СПбГУ. 1 – 14-гранная буса из горного хрусталя (I-1-2); 2 – глазчатая стеклянная буса (II-1-4); 3 – призматическая сердоликовая буса (I-2-1); 4 – круглая сердоликовая буса (I-2-4)

фрагменты. Другая серия рассмотренных бус лучшей сохранности, стеклянных и каменных, лишенных этикеток, была смонтирована в низку. На коробочке, в которой она хранилась, значилось: «низка № 3» – значит, были еще, как минимум, две. Целую серию каменных бус обнаружить не удалось. Видимо, бусы были смонтированы в три (?) низки для расположения на экспозиции; в дальнейшем экспозицию разобрали, но низки не были размонтированы.

В полевой описи раскопок 1973 г. значится 49 единиц. Это не значит, что имелось в виду общее число 49 бус. Возможное расхождение численности бус объясняется двумя бусами, сердоликовой призматической и хрустальной круглой, зафиксированными в верхнем горизонте А кургана 95. Судя по планам горизонта, опубликованным И. В. Дубовым, локализация этих бус достаточно дистанцирована от ингумаций горизонта А. Возможно, эти две бусины также входили в набор бус основного погребения. Отнесение бус к вышележащему (относительно горизонта трупосожжения) горизонту можно объяснить постдепозиционными перемещениями или выбросом при выкапывании могильной ямы одного из трупоположений

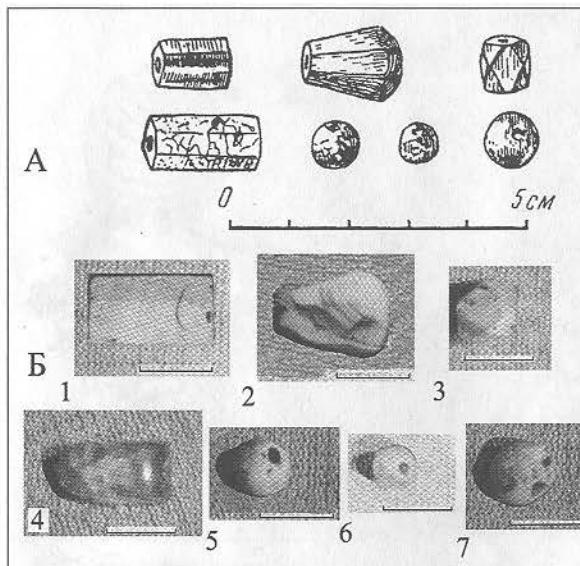

Рис. 7. Каменные бусы. А — по: Дубов, 1976. С. 84, рис. 2; Б — типы каменных бус: 1, 4 — призматические; 2 — асимметрично-усечённая бипира-мидальная; 3—14-гранная; 5—7 — круглые. Б, 1 — I-2-1; Б, 2 — I-2-3; Б, 3 — I-2-2; Б, 4 — I-1-1; Б, 5, 7 — I-2-4; Б, 6 — I-1-3 (1—3, 5, 7 — сердолик, 4, 6 — горный хрусталь)

помогают помещенные в описи размеры бус. Однако размеры в описи приводятся не точно, а в одном случае³⁰ — с явной ошибкой. Про бусину, числящуюся в описи под номером ЯРЭ — 73/4, сказано: «буса круглая мозаичная, паста, дл. 1,6 см, шир. 2,1 см». Даже учитывая то, что И. В. Дубов называл мозаичными любые многоцветные бусы, такие крупные экземпляры в серии полихромных стеклянных бус 95 кургана отсутствуют.

В число номеров полевой описи входят несколько фрагментов завитков серебряной рубчатой проволоки (рис. 5: 2)³¹ — фрагменты бус, аналогичных целым экземплярам³². Сопоставление диаметров завитков

³⁰ Например: ЯРЭ-73/68: «фрагменты (4) 8-гранной бусы». Ср.: ЯРЭ-73/64-66: «фрагмент 8-гранной бусы».

³¹ Один из номеров ЯРЭ-73/64-66, 68.

³² ЯРЭ-73/100-102.

³³ ЯРЭ-73/18.

³⁴ ЯРЭ-73/4.

³⁵ ЯРЭ-73/31-33, 48-49.

³⁶ ЯРЭ-73/149-150.

или грабительской ямы.

По описи не всегда понятно, когда речь идет о нескольких фрагментах одной бусины, а когда — о нескольких бусах²⁶; в этом отношении опись составлена не идеально. Так, 14-гранная хрустальная бусина записана как призматическая²⁷, зеленый бисер не выделен отдельным номером, два фрагмента глазчатой бусины числятся под тремя номерами²⁸, одна мозаичная бусина обозначена как сделанная из кости²⁹.

Идентификации

позволяет утверждать, что бус из серебряной рубчатой проволоки было не менее 3-х экземпляров.

Большая часть бус изображена на черно-белой фотографии, помещенной в полевой отчет И. В. Дубова (рис. 6). На этой фотографии показаны 48 бус. Это явно не все бусы комплекса. Так, на фотографии изображены только две бусы из серебряной рубчатой проволоки (хорошо сохранившиеся экземпляры)³³.

Часть бус удается идентифицировать по фотографии. К сожалению, в отчетной документации присутствует путаница: фотография низки помешана на таблице № 25, снабженной подписью: «Тимеревский могильник. Курган 95. Трупоположение. Ожерелье бус», в то время как в полевой описи эти бусы помещены в раздел «Трупосожжение».

В краткой публикации И. В. Дубов, говоря о рассматриваемом погребении, называет 51 бусину из этого комплекса³⁴.

По перечисленным причинам точный подсчет бус комплекса двойного трупосожжения затруднен. Очевидно то, что в состав ожерелий (см. ниже) комплекса двойного трупосожжения входило около 50 бус из серебра, стекла и поделочных камней.

Краткая характеристика набора бус основного погребения 95-го кургана

Большая часть бус (ок. 68%) изготовлена из сердолика и горного хрусталя. Почти все каменные бусы несут следы пребывания в огне: сердолик поменял цвет («побелел») и растрескался, хрусталь растрескался. За единственным исключением бусы из сердолика и хрусталя представлены тремя одинаковыми формами: круглые, призматические, 14-гранные бусы. Кроме того, имеется асимметрично-усеченная бипирамидальная сердоликовая бусина.

I. Каменные бусы (рис. 2: 8—10, 12—15) — не менее 34 экз.

I-1. Горный хрусталь (9 экз.)

I-1-1 (рис. 7, Б, 4): призматические (не менее 4 экз.)³⁵

I-1-2 (рис. 6, 1): 14-гранные (1 экз.)³⁶

I-1-3 (рис. 7, Б, 6): круглые (4 экз.)³⁷

³³ Там же (заметим, что в названной выше публикации аннотация под рисунком 2: «1—7 — серебряные бусы» является ошибочной — В. С., Я. Ф.).

³⁴ Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 85.

³⁵ В полевой описи значатся ЯРЭ-73/64-66, 68, однако один из этих номеров — 14-гранные бусины. На фотографии видны 4 хрустальные призматические бусы.

³⁶ В описи эта форма специально не отмечена, полевой шифр бусины — один из номеров: ЯРЭ-73/64-66, 68; Бусина видна на фотографии из полевой документации И. В. Дубова. В музейной коллекции она смонтирована на «ниже № 3».

³⁷ ЯРЭ-73/72, 79-81.

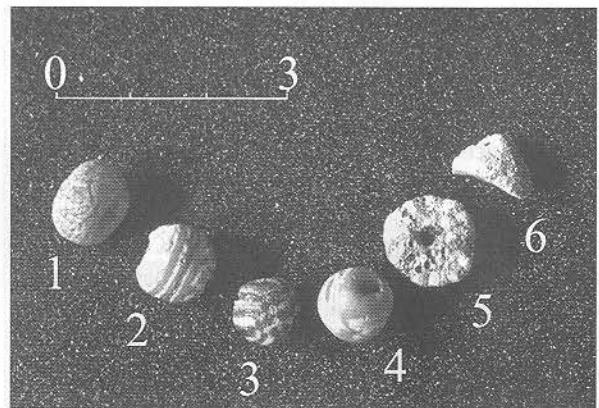

Рис. 8. Полихромные стеклянные бусы из фотоархива Ярославской экспедиции ЛГУ—СПбГУ. 1 — II-1-2; 2 — II-1-1-1; 3 — II-1-1-3; 4 — II-1-1-2; 5 — II-1-3; 6 — II-1-4

В коллекции имеется 6 полихромных бус (пять целых и одна в двух фрагментах)⁴². В описи все они числятся как мозаичные. Приведенные в описи характеристики бус и их размеры не позволяют уверенно связать ту или иную бусину с имеющимся шифром. Единственное исключение — фрагмент глазчатой бусины, который и в описи числится как фрагмент⁴³. По этой причине ниже приводятся описания бус, привязанные к иллюстрациям в работах И. В. Дубова.

II-1-1: мозаичные бусы (3 экз.)

II-1-1-1 (рис. 8: 2; рис. 9: А, Б, 3): бусина неправильно-цилиндрической формы, сваренная из 8-ми мозаичных заготовок. Каждая мозаичная заготовка в поперечном сечении несет следующий рисунок: на зеленом поле желтый крест, в центр которого в рамке голубого стекла помещен ресничковый глазок, вокруг красного ядрышка бело-синие реснички. Перпендикулярно каналу бусина опоясана полихромной (красно-бело-синей) лентой.

II-1-1-2 (рис. 8: 4; рис. 9: А, Б, 4): бусина неправильно-округлой формы, сваренная из нескольких мозаичных заготовок. Каждая

I-2. Сердолик (25 экз.)

I-2-1 (рис. 7, Б, 1): призматические (не менее 8 экз.)³⁸

I-2-2 (рис. 7, А, Б, 3): 14-гранная (1 экз.)³⁹

I-2-3 (рис. 7, А, Б, 2): асимметрично-усеченная бипирамидальная (1 экз.)⁴⁰

I-2-4 (рис. 7, Б, 5, 7): круглые (15 экз.)⁴¹

II. Стеклянные бусы (11 экз.)

II-1. Полихромные бусы (рис. 2: 2–3, 5–7; рис. 8) — 6 экз.

мозаичная заготовка в поперечном сечении несет следующий рисунок: красное ядрышко, окруженное тонкими колечками синего и желтого цвета, и более широким колечком красного непрозрачного стекла.

II-1-1-3 (рис. 8: 3; рис. 9: А, Б, 5): бусина круглой формы, сваренная из палочек белого и коричневого непрозрачного стекла, расположенных в шахматном порядке.

II-1-2 (рис. 8: 1; рис. 9: А, Б, 2): бусина зонной формы с тремя мозаичными глазками (1 экз.). Поверхность желтого глухого стекла (кажется коричневой). Каждый глазок сделан из мозаичного стерженька, в поперечном сечении имеющего следующий рисунок: вокруг красного ядрышка колечки желтого и красного непрозрачного стекла.

II-1-3 (рис. 8: 5; 9: Б, А, 1): продольно-полосатая из тянутой трубочки (1 экз.). Бусина зонной формы. Сердцевина: трехслойная сине-желто-красная трубочка (фактически — мозаичная по технике). Нанесенные на сердцевину чередующиеся продольные полосы синего, белого, красного, желтого, зеленого стекла организованы по Y-схеме: сине-бело-красный и желто-зеленый декор повторяется по три раза. Сине-белый и желто-зеленый декор изготовлены наложением на сердцевину стеклянных нитей: зеленая полоска с двух сторон фланкирована желтым стеклом, синяя полоска с двух сторон — белым стеклом⁴⁴. Между желто-зелеными и бело-синими полосками — полосы красного стекла наружного слоя трехслойной трубочки сердцевины⁴⁵. Несет следы воздействия высокой температуры: лопнувшие пузыри на одной стороне.

II-1-4 (рис. 6: 2; рис. 8: 6): глазчатая (1 экз. в 2-х фрагментах). Сохранившиеся фрагменты не позволяют уверенно реконструировать форму бусины. Сердцевина выполнена из голубого прозрачного стекла. На сердцевину наложена широкая полупрозрачная травянисто-зеленого стекла. По зеленому стеклу расположены плоские глазки сине-бело-синего стекла: на каплю синего стекла последовательно наносились капли белого и синего стекла. По голубому стеклу сердцевины расположены плоские глазки сине-белого стекла: на каплю белого стекла наносилась капля синего стекла. По нашему мнению, бусина имела вытянутую бочонковидную форму. Зеленое и синее стекло поверхности бусины декорировались

³⁸ ЯРЭ-73/20, 21, 60–63, 89, 111.

³⁹ ЯРЭ-73/17.

⁴⁰ ЯРЭ-73/15. В полевой описи обозначена как «конусообразная».

⁴¹ ЯРЭ-73/23, 70–71, 73–74, 76–78, 92, 94–99.

⁴² ЯРЭ-73/4, 18, 22, 100, 101, 102.

⁴³ ЯРЭ-73/102 — рис. 7, 6.

⁴⁴ Фактически: на более широкую белую полоску наложена тонкая синяя; на более широкую желтую полоску наложена более тонкая зеленая.

⁴⁵ Заметим, что точные технологические аналогии, повторяющие подобную схему, представляющуюся перациональной (трехслойная сердцевина!), нам неизвестны.

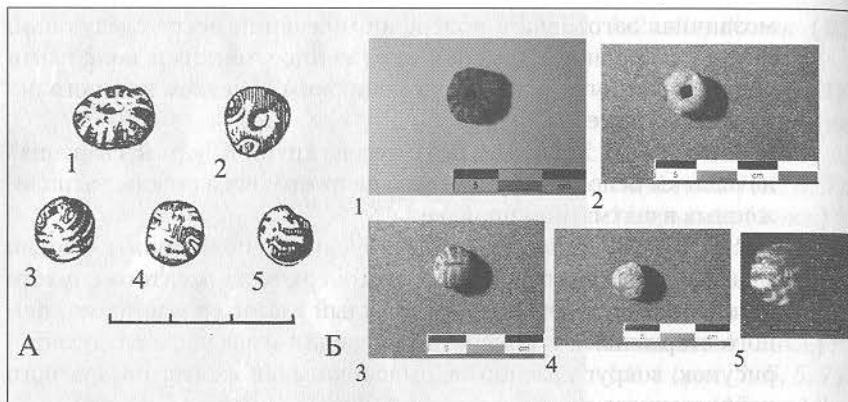

Рис. 9. Полихромные стеклянные бусы. А – по: Дубов, 1976. С. 84, рис. 2; Б – типы полихромных бус: II-1-1-1 – А-3 и Б-3; II-1-1-2 – А-4 и Б-4; II-1-1-3 – А-5 и Б-5; II-1-2 – А-2 и Б-2; II-1-3 – А-1 и Б-1

глазками разного рисунка. Глазки располагались тремя правильными параллельными «цепочками» перпендикулярно каналу.

II-2. Моногромные бусы (рис. 10) – 5 экз.

II-2-1 (рис. 10: 3): бусина зонной формы прозрачного бесцветного стекла с зеленоватым оттенком⁴⁶.

II-2-2: бисер (4 экз.):

II-2-2-1 (рис. 10: 1) – бисер бесцветного прозрачного стекла: 2 экз.⁴⁷

II-2-2-2 (рис. 10: 4) – бисер желтого стекла: 1 экз.⁴⁸

II-2-2-3 (рис. 10: 2) – бисер зеленого стекла: 1 экз.⁴⁹

III. Серебряные (рис. 5). Представлены не менее чем тремя биконическими бусами из серебряной рубчатой проволоки (две целые бусины и пять фрагментов)⁵⁰.

Положение бус на кострище

Примерно 40% бус были зафиксированы как собранные при снятии двойного трупосожжения. Прочие бусы значатся в описи, как найденные при разборке северной бровки. Хотя полевая документация довольно лаконично сообщает о находках из бровки, постараемся локализовать положение этих находок на кострище.

⁴⁶ ЯРЭ-73/16.

⁴⁷ ЯРЭ-73/14 (в описи значится: «буса сплавившаяся, стекло белое»), ЯРЭ-73/69.

⁴⁸ ЯРЭ-73/19.

⁴⁹ ЯРЭ-73/75.

⁵⁰ ЯРЭ-73/149–150, 31–33, 48–49.

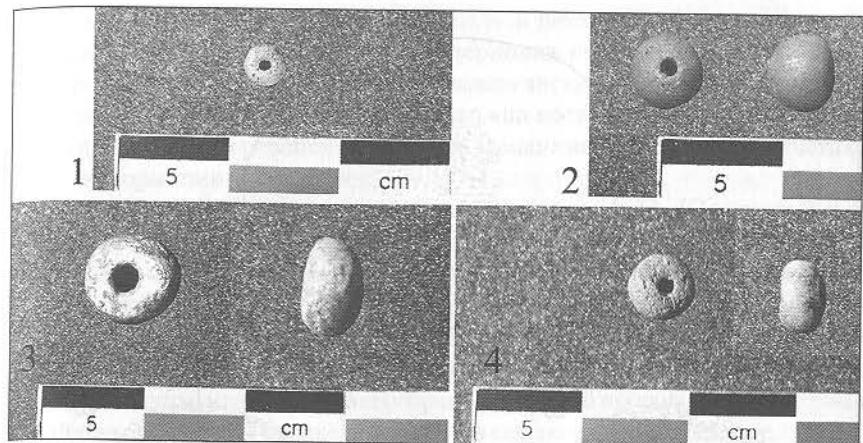

Рис. 10. Моногромные стеклянные бусы. 1 – бисер бесцветного прозрачного стекла (II-2-2-1); 2 – бисер зеленого цвета (II-2-2-3); 3 – бусина бесцветного прозрачного стекла с зеленоватым оттенком зонной формы (II-2-1); 4 – бисер желтого цвета (II-2-2-2)

Из сопоставления данных полевой описи и опубликованного плана горизонта Б (уровень трупосожжения) кургана 95 (рис. 11: I) следует, что находки сделаны при разборке примерно двухметрового южного участка северной бровки – там, где северная бровка проходила через кострище. Одна из находок – подвеска из клыка медведя⁵¹ – значится в описи как найденная в западной бровке; судя по опубликованному плану горизонта Б, эта находка (рис. 11: 1, II) расположена примерно в 20 см от оси кургана В–З. Следовательно, бровки были шириной примерно 40 см.

Из самого плана и подписи к плану следует, что стеклянные и каменные бусы располагались на кострище компактно, скоплениями, обозначенными в подписи к плану литерами Ж, З и Л. Скопление, обозначенное литературой Ж на плане (рис. 11: I), помещенном в публикации, фланкирует с севера кучку «кальцинированных человеческих костей и необожженные кости курицы»⁵². Однако сопоставление этого плана с планами отчетной документации (рис. 11: II, III) позволяет сделать вывод, что при подготовке материала к публикации план был несколько упрощен (для удобства восприятия?), что привело к частичной потере информации. Судя по рабочим чертежам, бусы были найдены непосредственно среди кальцинированных человеческих костей.

Напротив, скопление, обозначенное на плане литературой Л, и фланкирующее кучку «кальцинированных человеческих костей...» с юга по всем

⁵¹ ЯРЭ-73/5.

⁵² Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 85.

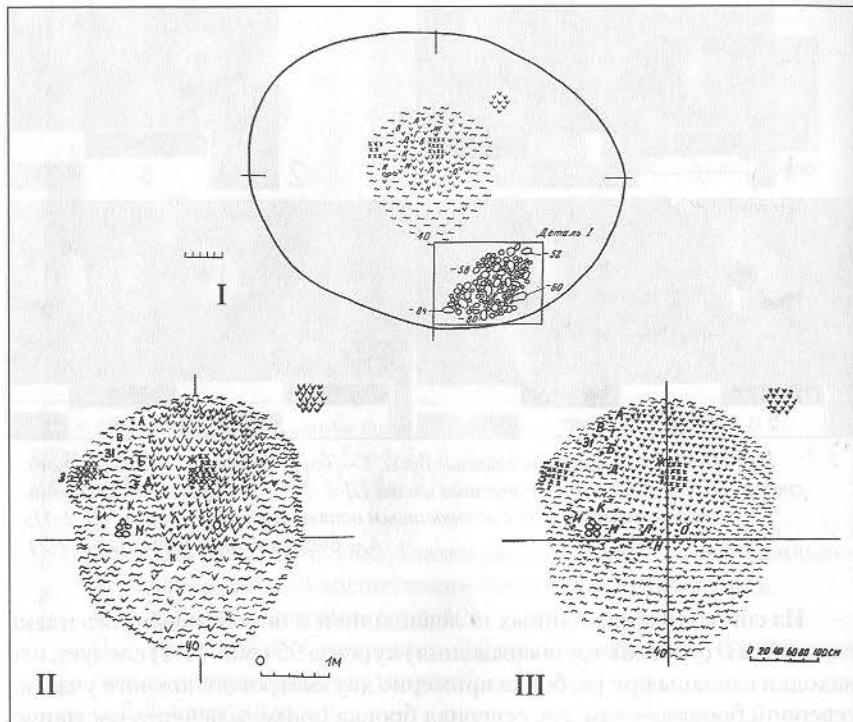

Рис. 11. Тимеревский курганный могильник. Курган 95. I — горизонт Б (уровень трупосожжения, по: Дубов, 1976. С. 83, рис. 1, 2); II, III — план костища (по материалам архива Ярославской экспедиции ЛГУ — СПбГУ)

доступным нам источникам состояло исключительно из бус. Литера *Л* в подписи к опубликованному плану расшифрована как «бусы»⁵³.

Литеры *Ж* и *З* там же расшифрованы как «гребень, бусы, вставки от перстня и т. д.»⁵⁴. При этом литера *З* на плане горизонта Б в публикации отсутствует. Сопоставление с полевой документацией позволяет локализовать местоположение бус третьего скопления. На всех видах чертежей (рис. 11: 2, 3) литера *З* помещена у локального скопления кальцинированных костей в северо-западном секторе костища, на самой его границе. Об этой группе кремированных останков не упомянуто ни в тексте полевого отчета, ни в публикации И. В. Дубова. Однако в черновом рукописном варианте отчета, хранящемся на кафедре археологии СПбГУ, сюжет обрисован следующим образом: «...кальцинированные кости

⁵³ Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 83.

⁵⁴ Там же. С. 83.

человека сгруппированы в две кучки — в центре костища и в северо-западной его части». Рукописный черновик отчета писался уже после антропологического определения человеческих костей; как и в тексте публикации 1976 г., в нем указано, что «на костище были кремированы женщина 40 лет и ребенок до 2-х лет». В машинописном тексте отчета (?) эта информация отсутствует.

Литеры *Ж* и *Л* на плане лежат практически на оси С—Ю кургана⁵⁵. В полевой описи все обнаруженные на костище фрагменты гребня⁵⁶ отмечены как найденные в северо-западном секторе, а не в северной бровке. Напротив, сердоликовая вставка от перстня⁵⁷ в полевой описи отмечена как найденная в северной бровке. Бусы из серебряной рубчатой проволоки, на плане отмеченные литерами *В* и *Г*, были найдены в северо-западном секторе костища. Из пяти фрагментов бусин из серебряной рубчатой проволоки четыре⁵⁸ были найдены в северной бровке, и один⁵⁹ — в северо-западном секторе.

Делаем вывод: все три скопления бус (в двух случаях — и других находок) непосредственно приурочены к скоплениям кальцинированных человеческих костей.

Отметим одинаковое состояние большинства каменных бус, найденных как в бровке, так и в северо-западном секторе костища. И сердоликовые, и хрустальные бусы в равной степени пострадали от огня. При этом бусы, найденные и в бровке, и на костище, представлены одними и теми же типами.

Приведенные выше построения оказались бы излишними, если бы в нашем распоряжении имелись детальные планы раскопок кургана 95 по горизонтам, с указанием места и высоты каждой находки. Но такие чертежи нам неизвестны. Планы, опубликованные И. В. Дубовым, отличаются известной схематичностью и несколько отличаются от документации, использованных И. В. Дубовым при подготовке отчета. В полевой описи приведена высотная отметка находки только одной бусины⁶⁰.

Реконструкция числа и состава ожерелий и последовательности их помещения на костище.

Тем не менее, имеющиеся документы, равно как и сами артефакты, обладают источниковоедческим потенциалом, делающим возможной попытку реконструкции числа ожерелий, их состава и некоторых элементов погребального обряда, в результате которых ожерелья оказались на костище.

Обгоревшие каменные бусы, видимо, входили в состав погребального убora — вместе с фибулой и другими предметами. Назовем эти бусы «групп-

⁵⁵ Литера *Л* — примерно на 8–10 см западнее оси.

⁵⁶ ЯРЭ-73/6, 9–13, 151–154.

⁵⁷ ЯРЭ-73/86.

⁵⁸ ЯРЭ-73/31–32, 48–49.

⁵⁹ ЯРЭ-73/33.

⁶⁰ ЯРЭ-73/19 («буса круглая, паста желтая, сектор с.-з. -30»).

па 1». Эта группа включает все хрустальные бусы и все типы сердоликовых бус; стеклянные и металлические бусы в «группу 1» не входили.

Бусы «группы 1» не локализуются на кострище. Они находились и среди центральной «кучки кальцинированных человеческих костей» (скопление Ж) и располагались локально южнее этого скопления (скопление Л), отчасти группировались на западной периферии второго скопления человеческих костей (под литерой З), что предполагает некие манипуляции с кремированными останками. Видимо, после сожжения на месте часть костей⁶¹ была собрана в две отдельные кучки в центре и в северо-западном секторе кострища. Деформированные пламенем элементы погребального убora — пуговицы, фибула, накладки от пояса, бусы (и инвентаря?) также оказались перемещенными. В ходе этих действий распределение бус по первоначальным ожерельям, несомненно, было нарушено.

Среди сердоликовых бус есть несколько экземпляров, не побывавших в огне и сохранивших естественный цвет. Рассмотренные стеклянные бусы не несут следов пребывания в сильном огне⁶². Видимо, ожерелье, в которое входили эти стеклянные и сердоликовые бусы, былоброшено на угли уже погасшего, но еще не остывшего костра; тесемка перегорела, часть бусин откатились в сторону от углей и не испытала воздействия высокой температуры⁶³. Назовем эти бусы «группа 2»⁶⁴. Отвечающее этим бусам ожерелье — или два ожерелья — скорее является элементом сопроводительного инвентаря, а не погребального убora погребенных.

На фотографии явно необожженными выглядят одна призматическая и одна круглая сердоликовые бусины (рис. 6: 3, 4). Видимо, эти бусы вместе со стеклянными и серебряными бусами хорошей сохранности и входили в бусы «группы 2», помещенные уже на погасший погребальный костер.

Серебряные бусы и две стеклянные бусины локализуются в северо-западном секторе кострища, причем бусы из серебряной проволоки дистанцированы от скопления З. Большинство прочих стеклянных бус

⁶¹ В отличие от кальцинированных костей животных и части человеческих костей, которые, как пишет И. В. Дубов в публикации, «были разбросаны» «по всей площади кострища».

⁶² В полевой описи отмечена «сплавившаяся» стеклянная бусина «белого стекла» — ЯРЭ-73/14. Совпадающая по размерам бисерина бесцветного прозрачного стекла, смонтированная на «низке 3», не несет следов пребывания в огне. Напротив, одна из полихромных бус, как будто, имеет такие следы — несколько лопнувших пузырей (если они не являются производственным браком). В любом случае, бусина не превратилась в слиток и не потеряла форму, рисунок ее декора почти не пострадал.

⁶³ Подобная очередность помещения задействованных в погребальном обряде предметов на кострище в данном комплексе была зафиксирована И. В. Дубовым: жертвенная курица была брошена на уже погасший погребальный костер.

⁶⁴ Уверенно отнести подвеску из медвежьего клыка к этому ожерелью не удается. Это вполне могла быть «моноподвеска» — шнурок с единственной подвеской; возможны и иные реконструкции.

было найдено при разборке северной бровки. Таким образом, и в этом случае узко локализовать бусы «группы 2» на кострище не удается, как и не удается пока уверенно сказать, принадлежали эти бусы одному или нескольким (двум?) ожерельям.

Велик соблазн связать две кучки кальцинированных человеческих костей с двумя кремированными (женщина и ребенок) и постулировать наличие двух ожерелей, им принадлежащих. Очень возможно, что так дело и обстояло. Однако продолжить реконструкцию мешает неполнота документации, имеющейся в нашем распоряжении. Нельзя уверенно говорить, отвечали ли бусы выделяемых нами групп 1 и 2 двум, трем или четырем низкам: входили ли бусы «группы 1» в погребальный убор обоих погребенных или только одного, являлись ли бусы «группы 2» погребальным инвентарем (даром?) одному или обоим погребенным. Уверенно можно сказать только то, что весь набор бус сожжения входит в закрытый комплекс однократного формирования и, следовательно, археологически синхронен.

Реконструируемая последовательность действий в ритуале погребения, объясняет и разную сохранность бус, и расположение их локальными скоплениями — иногда сепаратно (скопление Л), иногда — вместе с другими категориями находок.

Процедура датировки

Общие методические замечания

Датировать основное погребение кургана 95 возможно с помощью бусинной хронологии. Под «бусинной хронологией» здесь понимается процедура датирования, базирующаяся на анализе бус, происходящих из датированных археологических комплексов. Совокупность бус конца I тысячелетия представлена многотысячными коллекциями, состоящими в значительной части из стандартизованных типов, число которых очень значительно. Такой археологический материал удобен для датировки. На этом основании можно говорить о «бусинной хронологии» как об автономном источниковедческом подразделении системной хронологической процедуры (наряду с другими ее подразделениями, такими как «фибульная хронология», «монетная хронология», «амфорная хронология» и т. д.).

Для сравнения с бусами кургана 95 мы рассматриваем следующие комплексы. Во-первых, это бусы, происходящие из стратиграфически обособленных слоев эталонных стратифицированных памятников древнерусского Северо-Запада (Старая Ладога, Новгород, Рюриково городище) и пойменной части селища Гнездова. Первые два памятника надежно датированы сериями дендродат. Даты бус Рюрикова городища и пойменной части Гнездовского селища основаны на значительно меньшим числе дендродат. Однако бусы, происходящие из этих памятников, однотипны бусам Ладоги и Новгорода и достаточно отчетливо разделены

по комплексам и стратиграфическим слоям. Немаловажно, что система дат бус Ладоги, Новгорода и Рюрикова городища составляет компактную «волховскую шкалу», являющуюся для нас эталонной.

Во-вторых, мы используем распределение бус в погребальных памятниках юго-восточного Приладожья⁶⁵. Эти памятники обладают большими коллекциями бус, доступных для изучения. Названные памятники, как поселенческие, так и погребальные, относятся к тому же культурно-историческому пласту, что и Тимеревский археологический комплекс.

Памятники, используемые для определения даты 95 кургана, при несомненных достоинствах (типологическое разнообразие бус конца I тысячелетия, их многочисленность, серийность, достаточно надежная датировка) обладают в нашем случае и известными недостатками, поскольку эта хронологическая система базируется на памятниках северо-западного региона. Уже для Гнездова применение дат «волховской шкалы» не очевидно и требует специальной аргументации. Ограничившись только названными памятниками, мы рискуем обеспечить датировке неоправданный перекос в сторону северо-западной хронологической шкалы.

Чтобы частично снять этот недостаток, мы используем опубликованное распределение бус в погребальных памятниках, «фланкирующих» Тимерево с юга (ареал Салтово-Маяцкой археологической культуры) и востока (Прикамье). В первом случае мы опираемся на работы В. Б. Ковалевской⁶⁶, во втором — на работы Р. Д. Голдиной и О. П. Королевой⁶⁷, Е. В. Голдиной⁶⁸.

Особое значение для датировки приобретает коллекция бус Супрутского городища, с которой нам удалось ознакомиться⁶⁹. Часть бус этого городища опубликована⁷⁰.

Целесообразно использовать бусы некрополя Бирки (Центральная Швеция), фланкирующего «волховскую шкалу» с севера. Часть этих бус опубликована в каталогном разделе классической работы Ю. Кальмера⁷¹.

⁶⁵ Богуславский О. И. Южное Приладожье во второй половине I – начале II тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1991 // НА ИИМК РАН.

⁶⁶ Ковалевская В. Б. Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998; Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000.

⁶⁷ Голдина Р.Д., Королева О. П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 40–71.

⁶⁸ Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец VI – IX в.). Ижевск, 2010.

⁶⁹ Сердечно благодарим В. В. Мурашеву и А. В. Григорьева за помощь и содействие.

⁷⁰ Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула, 2005. С. 103–104. Рис. 43: 19–27.

ра⁷¹, с частью нам удалось ознакомиться⁷². Предложенная Ю. Кальмером в работе 1977 г. типологическая номенклатура бус удобна и будет использоваться далее.

Названная серия памятников расположена в целом вдоль трансконтинентальных торговых путей «из варяг в арабы»: от его южного крыла (Салтovo) и до завершения в Северной Европе. Даты бус этих памятников способствуют хронологическому «зажиманию» дат бус 95-го кургана Тимеревского могильника. В названных выше работах абсолютные даты получены разными методами. Механическое перенесение датировок, полученных таким образом, на тимеревские материалы неприемлемо. Даты типов бус, предложенные исследователями, мы вынуждены воспринимать с известной осторожностью: так, по нашим наблюдениям, метод датировки, использованный Ю. Кальмером, не слишком хорошо «срабатывает» для территории Древней Руси.

Громоздкая взаимная корректировка салтовской, прикамской, шведской, верхнеднепровской, приладожской и волховской хронологических шкал выходит за рамки настоящей работы, имеющей более локальный характер. Существенно, что рассматриваемые памятники расположены на связанных торговых маршрутах. По этой причине важны ситуации, когда совпадают даты типов бус, высчитанные, исходя из независимых источников для памятников, расположенных южнее, севернее и восточнее Тимерева.

Собственно процедура датировки

Задачей является определение хронологического интервала, в пределах которого существуют типы бус, встреченных в комплексе трупосожжения 95 кургана. Некоторые типы бус узко не датируются. К таким бусам относятся каменные бусы: 14-гранные и круглые хрустальные бусы I-1-2 и I-1-3, призматические, 14-гранные и круглые сердоликовые бусы I-2-1, I-2-2 и I-2-4, стеклянные бусы: полихромные II-1-2, II-1-3 и все типы монохромных бусин II-2. Интервалы бытования перечисленных типов бус не помогают в решении вопроса об узкой датировке трупосожжения. Из списка используемых типов приходится исключить и глазчатую бусину II-1-4, близкие аналогии которой нам неизвестны.

За время, прошедшее с момента публикации И. В. Дубовым материалов раскопок кургана 95, изменился хронологический потенциал «биконических» бус из рубчатой проволоки (бусы III наших обозначений). Именно о них И. В. Дубов писал, что находка эта «...важна не только для датирования данного погребального комплекса, но и для определения

⁷¹ Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. // Acta archaeologica Lundensia. Series in 4°. Nr 11. Lund, Bonn, 1977.

⁷² Сердечно благодарим Ингмара Янссона за помощь и содействие.

времени возникновения всего памятника»⁷³. На наш взгляд, «культурный» потенциал таких находок (указание на связь с Северной Европой) здесь оказывается более значимым, чем потенциал «хронологический». Подобные бусы на территории ранней Древней Руси датируются широко⁷⁴, а в Северной Европе интервал их бытования за счет более ранней нижней даты еще протяженнее. Заметим лишь то, что на древнерусских археологических памятниках нам неизвестны подобные бусы, датирующиеся ранее конца IX в.

Для датировки существенными являются следующие типы бус: хрустальные призматические бусы I-1-1, сердоликовая асимметрично-усеченная бипирамидальная I-2-3 и все мозаичные бусы: II-1-1-1, II-1-1-2 и II-1-1-3.

Каменные бусы

Хрустальные призматические бусы I-1-1. Корректная датировка бус I-1-1 является непростой задачей. Перечень погребений с такими бусами приведен в классическом своде М. В. Фехнер⁷⁵, однако с момента этой публикации датировки были заметно уточнены. Для Тимеревского могильника М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина отметили пять курганов с такими бусами: № 79, 83, 97⁷⁶, 374, 462⁷⁷. Для призматических хрустальных бус исследователи приводят дату: первая половина X в. Однако, судя по приведенным в той же таблице датам других бус 95-го кургана — из серебряной рубчатой проволоки и мозаичных — авторы датировали 95-й курган концом IX в.⁷⁸ Бусы I-1-1 входили в состав роскошного ожерелья каменных бус, обнаруженного в 1990 г. в ходе раскопок сильно распаханного кургана, расположенного на южной границе могильника⁷⁹.

⁷³ Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 85.

⁷⁴ Подробнее см.: Френкель Я. В. Борьба за курган № 7 скандинавского могильника Плакун (о датировке кургана и о синхронизации его с культурными напластованиями Земляного городища Старой Ладоги) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. СПб., 2010. С. 551–554.

⁷⁵ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории древнерусской деревни X–XIII в. / Труды ГИМ. Вып. 33. М., 1959. С. 149–224.

⁷⁶ Имеется в виду курган № 95.

⁷⁷ Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 81. Таблица 6.

⁷⁸ Там же. С. 81.

⁷⁹ Седых В. Н., Френкель Я. В. Бусы из погребальных комплексов Тимерева: хронологический аспект // В печати.

Бусы I-1-1 встречены и в кургане 1 (1902 г.) Михайловского могильника⁸⁰. Две такие бусины были найдены при раскопках Сарского городища⁸¹.

Для Старой Ладоги за 100 с лишним лет исследования памятника в специальной литературе данные о хрустальных бусах не обобщены. Нам известна единственная публикация, включающая аналитическую информацию о хрустальных бусах этого эталонного памятника⁸². В этой короткой статье Е. А. Рябинина о каменных бусах из раскопок 1970-х – 1980-х гг. данных о бусах I-1-1 нет.

Среди хранящихся в Государственном Эрмитаже материалов раскопок В. И. Равдоникаса на Земляном городище Старой Ладоги есть представительная серия бус I-1-1. Хотя часть бус, собранных в ходе довоенных раскопок, была утрачена, а некоторые — депаспортизованы, среди послевоенных раскопок В. И. Равдоникаса бусы I-1-1 представлены серией из 11 экз. Большая часть этих бус также не имеет надежной стратиграфии, либо найдена в верхних мешанных горизонтах. Три экземпляра⁸³ имеют надежную стратиграфическую привязку и датируются в пределах горизонта $D_{\text{нижне}}$, после пожара 950-х гг., в культурных напластованиях, отвечающих постройкам IX яруса (950–970-е гг.) хронологической схемы С. Л. Кузьмина – А. Д. Мачинской⁸⁴.

В диссертационной работе о погребениях юго-восточного Приладожья О. И. Богуславский называет бусы I-1-1 «хрустальные бусы типа 6»⁸⁵. Автор активно использовал потенциал бус для хронологической индикации, работая в непростой историографической ситуации⁸⁶. Но при

⁸⁰ Мурашева В. В. Курган 1 из Михайловского (Опыт атрибуции и датировки) // Археологический сборник памяти Марии Васильевны Фехнер / Труды ГИМ. Вып. 111. М., 1999. С. 30–31. Рис. 10.

⁸¹ Леонтьев А. Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996. С. 168–169. Рис. 71: 24.

⁸² Рябинин Е. А. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии) // Ладога и Северная Русь. Материалы к чтению, посвященным памяти Анны Мачинской. СПб., 1995. С. 56–61.

⁸³ СЛ-920, СЛ-1453 (раскопки 1948 г.), ЛС-2088 (раскопки 1950 г.).

⁸⁴ Кузьмин С. Л. Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белепекого. Т. 1. СПб., – Псков, 1997. С. 343–358.

⁸⁵ Богуславский О. И. Южное Приладожье во второй половине I – начале II тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации). Диссертация на соискание ученоей степени кандидата исторических наук. СПб., 1991. С. 53. Рис. 3: 1–6.

⁸⁶ Френкель Я. В. Борьба за курган № 7 скандинавского могильника Плакун (о датировке кургана и о синхронизации его с культурными напластованиями Земляного городища Старой Ладоги) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. СПб., 2010. С. 557–560. Рис. 5.

непосредственной процедуре датирования погребений исследователь бусы I-1-1 не использует. Дата бус этого типа для Приладожья в названной работе, тем не менее, присутствует. Определяется она следующим образом. О. И. Богуславский группирует находки из погребений в кластеры (полигон «тип – комплекс»), и далее соотносит датирующие типы артефактов этих кластеров с распределением однотипных артефактов в стратифицированных культурных напластованиях Старой Ладоги, датированных с помощью дендрохронологии. Бусы I-1-1 попадают в кластеры, отвечающие женским погребениям периодов С2–С1 группировки исследователя⁸⁷. Эти периоды датируются в рассматриваемой работе по ладожской шкале 920–950-ми гг.⁸⁸

Несколько бусин I-1-1 есть в материалах Рюрикова городища⁸⁹. Там, где бусы имеют надежную стратиграфическую привязку, они найдены в черном слое⁹⁰, датирующемся не раньше начала X в., и в яме, датирующейся не раньше второй половины X в.⁹¹ А вот для материалов раннего Новгорода такие бусы, похоже, не характерны. М. Д. Полубояринова в работе о каменных и янтарных изделиях древнего Новгорода⁹² приводит датировки серий новгородских хрустальных бус, но бусы I-1-1 в работе не названы. Не названы эти бусы и в разделе работы С. Д. Захарова и И. Н. Кузиной, посвященном каменным бусам Белозерья⁹³.

На пойменной части Гнездовского селища в материалах, датирующихся до середины X в., каменных бус не обнаружено⁹⁴. Единственная бусина I-1-1, найденная на этом памятнике, датируется уже второй половиной X в.⁹⁵

⁸⁷ Богуславский О. И. Южное Приладожье во второй половине I – начале II тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1991. С. 64–67; Рис. 33.

⁸⁸ Там же. С. 72–74; Рис. 25.

⁸⁹ Например, Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 41, 127.

⁹⁰ Там же. С. 41; НОЭ-09/РГ-495.

⁹¹ НОЭ-11/РГ-545, 687.

⁹² Полубояринова М. Д. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 75–82.

⁹³ Захаров С. Д., Кузина И. Н. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология северорусской деревни X–XIII вв. Том 2. М., 2008. С. 184–185.

⁹⁴ Френкель Я. В. Опыт датирования пойменной части Гнездовского поселения на основании коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007. С. 78–117; Авдусина С. А. Каменные бусы в контексте культурного слоя пойменной части Гнездовского поселения // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008. Том IV (дополнительный). М., 2011. С. 83–85.

⁹⁵ Авдусина С. А. Каменные бусы в контексте культурного слоя пойменной части Гнездовского поселения // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008. Том IV (дополнительный). М., 2011. С. 85.

Бусы I-1-1 встречаются во многих гнездовских курганах⁹⁶. Заметим, что курганов, датирующихся ранее X в., в Гнездово пока не обнаружено. Приведем несколько примеров. Так, три хрустальных призматических бусины были найдены в кургане № 47 Лесной группы; такие же бусы происходят из кургана № 50 и кургана Ц-2 (погребение Ц-2/I)⁹⁷. Иногда датировку в пределах X в. удается уточнить. В ряде случаев погребения сопровождаются гончарными сосудами, относящимися ко второй половине X в.; в погребении Ц-2/II, стратиграфически предшествовавшем погребению Ц-2/I, найдена поздняя овальная фибула типа 52, по типологии Я. Петерсена⁹⁸. Иногда бусы I-1-1 встречаются в погребениях с монетами. Так, такая бусина входила в состав серии бус, найденных при раскопках В. И. Сизовым в конце 1890-х гг. кургана № 48 Центральной группы; там же были найдены монеты, младшая из которых – начала X в.⁹⁹ Заметим, что среди перечисленных бус кургана названы «крупные зонные ребристые хрустальные бусины»¹⁰⁰, датирующиеся, во всяком случае, не раньше второй трети X в.

Серия хрустальных призматических бус I-1-1 присутствовала в богатом ожерелье гнездовского кургана № 13¹⁰¹ совместно с несколькими монетами, младшая из которых датируется началом X в. Дискуссия о дате кургана обрисована в работе В. С. Нефедова¹⁰². Присутствие в погребении гребней 1-й и 2-й групп, по О. И. Давидан, позволяет согласиться со сравнительно поздней датой кургана, предлагаемой В. С. Нефедовым, датировавшим курган в пределах второй четверти – середины X в.

Перечень можно продолжить, но это не является целью данной работы. Важно, что все перечисленные бусы I-1-1, найденные в Гнездово, были депонированы в X в.; причем в тех случаях, когда дату удается уточнить, – не ранее второй трети – второй половины X в.

Ю. Кальмер обозначает бусы I-1-1 в работе 1977 г., как тип S011, и называет их дату¹⁰³. Значительная часть таких бус компактно датируется

⁹⁶ Андрющук Ф. А. Гнездово, днепровский путь и финал Бирки // Гнездово. 125 лет исследованию памятника / Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001. С. 126–127.

⁹⁷ Авдусин Д. А. Отчет о раскопках гнездовских курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1957. С. 123, 130, 161.

⁹⁸ Жарнов Ю. Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М., 1991. С. 205.

⁹⁹ Ширинский С. С. Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Гнездовский могильник. Исследования и публикации. Часть I. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ) / Труды ГИМ. Вып. XXXVI. М., 1999. С. 110.

¹⁰⁰ Там же. С. 110.

¹⁰¹ Авдусин Д. А. Раскопки в Гнездово // КСИИМК. 1951. Вып. 38. С. 72–81.

¹⁰² Нефедов В. С. Археологический контекст «древнейшей русской надписи» из Гнездово // Гнездово. 125 лет исследования памятника / Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001. С. 64–65.

¹⁰³ Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. // Acta archaeologica Lundensia. Series in 4°. Nr 11. Lund, Bonn, 1977. P. 91, 225.

IV периодом «бусинной периодизации» Ю. Кальмера; этот период — согласно выкладкам исследователя — отвечает 860–885 гг. или — при расширении источниковедческой базы — 875–905 гг.¹⁰⁴ Прочие бусы датируются в этой работе уже в рамках Х в.

Действительно, в материалах некрополя Бирки есть погребение (Бирка-515), в котором бусы I-1-1 встречаются с ранней фибулой типа 27, по типологии Я. Петерсена¹⁰⁵, и довольно архаичным набором стеклянных бус¹⁰⁶.

В. Б. Ковалевская в работе о каменных бусах Кавказа и Крыма V–IX вв. называет призматические бусы из горного хрусталя¹⁰⁷. Однако исследователь специально оговаривает, что речь идет о шестигранных бусах, в то время как бусы кургана 95, судя по описи, 8-гранные.

В работах о бусах Прикамья бусы I-1-1 не названы¹⁰⁸. Бусы I-1-1 найдены на городище Супруты¹⁰⁹, просуществовавшем недолго и погибшем в первой половине X в. А. В. Григорьев, основываясь на монетных находках, обосновывает гибель городища не позднее первой половины 10-х гг. X в.¹¹⁰ Заметим, что дата гибели городища — вопрос дискуссионный¹¹¹. С. А. Изюмова предполагала более позднюю дату гибели городища — начало 960-х гг.¹¹² Ознакомление с коллекцией бус городища дает нам основания полагать, что время гибели городища относится ко второй четверти X в.: среди находок встречены каменные бусы типов, в Старой Ладоге встречающихся только в культурных напластованиях горизонта Д-нижнее и выше. Упрек в переоценке значения Старой Ладоги как эталонного памятника при датировании Супрутского городища, расположенного в Поочье, удается отвести, исходя из того соображения, что некоторые бусы (например, S015, по Кальмеру) в большей степени характерны именно для северных памятников, обладающих «скандинавской вуалью».

Таким образом, все рассмотренные бусы I-1-1, найденные на территории Древней Руси, датируются начиная с хронологического рубежа, соответствующего 920-м гг.

¹⁰⁴ Там же. Р. 77, 170.

¹⁰⁵ Jansson I. Ovale Shalenspangen // Birka II: 1. Systematische analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 46.

¹⁰⁶ Arbman H. Birka I. Die Gräber. Tafelen. Stockholm, 1940. Taf. 120, 1.

¹⁰⁷ Ковалевская В. Б. Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998. С. 34: МЕР 52; С. 78. Рис. 52.

¹⁰⁸ Голдина Р. Д., Королева О. П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 40–71; Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец VI – IX в.). Ижевск, 2010.

¹⁰⁹ ГИМ, коллекция 2728/127, 128.

¹¹⁰ Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула, 2005. С. 139.

¹¹¹ Мурашева В. В. Супрутский клад. Из раскопок 1969 г. // Труды ГИМ. Выпуск 175. М., 2008. С. 5.

¹¹² Изюмова С. А. Древности Тульской земли // Путешествие в древность. М., 1983. С. 90.

Сердоликовая асимметрично-усеченная бипирамидальная бусина I-2-3¹¹³. В ярославских курганах подобная бусина была найдена при раскопках кургана 176 Михайловского могильника¹¹⁴.

Бусы этого типа не вошли в опубликованные работы о ладожских сердоликовых бусах¹¹⁵. Нам известна одна бусина I-2-3 из раскопок В. П. Петренко на Варяжской улице¹¹⁶. Бусина¹¹⁷ была найдена при разборе 11-го штыка культурного слоя. По мнению В. М. Горюновой, 11-й штык должен соответствовать 920–930 гг.¹¹⁸ Бусина была найдена в юго-восточном углу «большой постройки». Согласно полевым чертежам В. П. Петренко, дата бусины определяется начальным временем сооружения «большой постройки» (5–6 строительными периодами, по В. П. Петренко). Это сооружение возводится во второй трети X в.¹¹⁹ Таким образом, данная бусина датируется не раньше начала второй четверти X в.

В Новгороде нам известна одна бусина I-2-3¹²⁰, происходящая с Неревского раскопа и датирующаяся не раньше последней четверти X в. В работе М. Д. Полубояриновой эта бусина в силу единичности специально не описана, но лишь глухо упомянута: «остальные типы сердоликовых бус встречены в Новгороде единицами и относятся к X–XII вв.»¹²¹.

В юго-восточном Приладожье нам известна такая бусина из IV погребения кургана № 117 могильника у д. Вахрушева. В этом погребении было несколько монет, младшая — конца X в.¹²²

¹¹³ Рассмотрение таких бус не автономно, а в общей группе сердоликовых бипирамидальных бус (см.: Енуков В. В. К вопросу о динамике импорта сердоликовых бус на территорию Восточной Европы // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск, 2008. С. 70–80) считаем методически не оправданным.

¹¹⁴ Недошивина Н. Г. Михайловский могильник // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 29. Рис. 16: 6.

¹¹⁵ Рябинин Е. А. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии) // Ладога и Северная Русь. Материалы к чтениям, посвященным памяти Анны Мачинской. СПб., 1995. С. 56–61; Давидан О. И. Сердоликовые изделия из Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 33. СПб., 1998. С. 123–132.

¹¹⁶ Петренко В. П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 81–116.

¹¹⁷ САЭ-76/ЛП/121.

¹¹⁸ Гординова В. М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и Старой Ладоги. Опыт синхронизации // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 58. Таблица.

¹¹⁹ Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М., 1996. С. 118.

¹²⁰ Н-54, пл. 33, кв. 755, № 521.

¹²¹ Полубояринова М. Д. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 75, 77.

¹²² Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988. С. 32.

В Гнездово сердоликовые бусины I-2-3 были найдены в составе клада 1993 г. вместе с монетами середины X в.¹²³ и в уже упомянутом кургане № 13 (см. выше).

Бусины I-2-3 найдены на городище Супруты в составе ожерелья женщины, погибшей в ходе кратковременной осады, предшествующей гибели городища.

Ю. Кальмер обозначает бусы I-2-3 в работе 1977 г., как тип T011, и называет их дату¹²⁴. Бус таких в Северной Европе немного. Бусы T011 (I-2-3 наших обозначений) в итоговой таблице монографии 1977 г., как и в случае с бусами I-1-1, компактно датируются IV периодом «бусинной периодизации» Ю. Кальмера: 860–885 гг. или 875–905 гг. (см. выше). При этом в X в., согласно Ю. Кальмеру, таких бус нет вовсе. Полагаем, подобная датировка является результатом недоразумения.

В погребении Бирка-632¹²⁵ бусина I-2-3 входит в состав эффектного ожерелья, наряду с хрустальной призматической бусиной S011 (I-1-1 наших обозначений) и редкой хрустальной бусиной S015¹²⁶. В погребении была найдена поздняя (для Бирки) овальная фибула типа 42, по типологии Я. Петерсена¹²⁷. Заметим, что бусина S011 – единственная бусина этого типа, учтенная в каталоге Ю. Кальмера.

Бусы типов S011 и S015 в Северной Европе, как правило, датируются X в., но изредка обнаруживаются в комплексах с ранними фибулами и ранними стеклянными бусами (например, Бирка-515, Хедебю-77)¹²⁸. Возможно, наличие таких комплексов и привело хронологическую систему Ю. Кальмера к локальному сбою.

В работе Р. Д. Голдиной и О. П. Королевой о бусах Прикамья подобная буса I-2-3 (тип 169, по Р. Д. Голдиной и О. П. Королевой) отнесена к хронологической группе, датирующейся XI–XII вв.¹²⁹

Настоящий список можно продолжить. Подобные бусы найдены в Киевском некрополе, во владимирских курганах, в погребении запад-

носибирской басандайской культуры и т. д. Важно, что во всех случаях, когда можно говорить о дробной дате, бусы I-2-3 датируются не раньше второй четверти X в.

Таким образом, обе каменные бусины, важные для датировки трупосожжения кургана 95, датируются X в., причем в тех случаях, когда можно добиться дробной датировки в рамках этого столетия – начиная с 920-х или 930-х гг.

Мозаичные бусы

Позволим себе предварительное замечание историографического плана. Как следует из описи, И. В. Дубов под «мозаичными» бусами понимал любые полихромные бусы. В таком (сегодня – устаревшем) понимании термина «мозаичные» И. В. Дубов был не одинок. В третьем томе классической работы об античных бусах Северного Причерноморья, изданном спустя 9 лет после раскопок 95-го кургана, Е. М. Алексеева пишет: «В археологической литературе существует два мнения относительно того, что считать мозаичной техникой при изготовлении полихромных стеклянных бус. Одни исследователи, например Г. Эйзен, полагали, что мозаичной можно назвать разноцветную бусину независимо от техники исполнения орнамента, даже если он нанесен сверху»¹³⁰.

В любом случае, И. В. Дубов в тексте публикации высоко оценивал находку в 95-м кургане полихромных стеклянных бус. Полагаем уместным целиком привести цитату из работы исследователя: «Среди остальных бус в особую группу следует выделить мозаичные из приглушенного стекла с весьма разнообразным набором цветов (рис. 2, 2). Это – первая находка подобного рода в ярославских могильниках. Описываемые бусы имеют аналогии среди древностей Северо-Запада СССР и Скандинавии и датируются IV¹³¹–X вв.»¹³². Далее следует ссылка на классическую работу З. А. Львовой 1968 г.¹³³ Однако обращение к соответствующим страницам указанной работы З. А. Львовой обнаруживает, что речь там идет о полихромных бусах IV технологической группы, декорированных мозаичными глазками или накладными нитями. Среди полихромных бус 95-го кургана имеется только одна такая бусина – II-1-2 наших наименований. На разделы работы 1968 г., посвященные собственно моза-

¹²³ Пушкина Т. А. Новый Гнездовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 183, 186.

¹²⁴ Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. // Acta archaeologica Lundensia. Series in 4°. Nr 11. Lund, Bonn, 1977. P. 91, 225.

¹²⁵ В каталоге Ю. Кальмера – № 249. См.: Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. // Acta archaeologica Lundensia. Series in 4°. Nr 11. Lund, Bonn, 1977. P. 29.

¹²⁶ Arbman H. Birka. I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940. Taf. 119.

¹²⁷ Jansson I. Oval Shalengspangen // Birka II: 1. Systematische analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 47.

¹²⁸ Arents U., Eisenschmidt S. Die Gräber von Haithabu. Neumünster, 2010. Band 1. S. 90–91; Band 2. S. 310. Taf. 12; S. 423. Taf. 125, 77.

¹²⁹ Голдина Р. Д., Королева О. П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 64. Цветная вклейка 2, № 169; цветная вклейка 3.

¹³⁰ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г-1-12. Т. 3. М., 1982. С. 35.

¹³¹ Здесь в публикации техническая опечатка. Следует читать: IX–X вв. Именно так И. В. Дубов пишет в отчете.

¹³² Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 85.

¹³³ Там же. С. 86. Ссылка 16: Львова, 1968; Стеклянные бусы старой Ладоги // АСГЭ, 10, 1968. С. 76–79.

ичным бусам (I группа, по З. А. Львовой) и глазчатым бусам (III группа, по З. А. Львовой) – бусам, визуально безошибочно сопоставляемым с большинством полихромных стеклянных находок 95 кургана, ссылок нет. Это относится, в частности, и к единственной бусине (П-1-1-2 наших наименований), на изображение которой («рис. 2, 2») И. В. Дубов ссылается в процитированном выше отрывке. Получается, что ссылка И. В. Дубова на работу З. А. Львовой, вопреки декларации, носит скорее декоративный характер. Это контрастирует с вниманием, уделенным И. В. Дубовым бусам из серебряной рубчатой проволоки. Там были и многочисленные ссылки, и личная консультация с Г. Ф. Корзухиной. Видимо, И. В. Дубов, как и его учитель Г. Ф. Корзухина, не придавал особого значения культурно-хронологическому потенциалу стеклянных (да и каменных) бус, отдавая в этом вопросе приоритет ювелирным украшениям из металла.

Мозаичная бусина П-1-1-1. Бусина П-1-1-1, найденная в 95-м кургане, является одним из вариантов целой серии мозаичных бус, в разной форме выполненных из идентичных мозаичных заготовок. Известны несколько устойчивых форм таких бус: цилиндрические пронизки, круглые бусы, уплощенные подчетырехугольные, бочонковидные. На Земляном городище Старой Ладоги такие бусы встречаются в толще культурных напластований Е ($E_{3\text{-среднее}} - E_{1\text{-нижнее}}$), иначе говоря – от 760-х до 890-х гг., локализуясь преимущественно в IX в., и не переходя рубежа IX–Х столетий. Так датируются находки экспедиций В. И. Равдоникаса¹³⁴, Е. А. Рябинина¹³⁵, А. Н. Кирпичникова¹³⁶. Так же датируется и бусина из охранных раскопок 2004 г. на правом берегу р. Ладожки¹³⁷. Подобные бусы¹³⁸ в памятниках Салтовской культуры В. Б. Ковалевская датирует VIII–IX вв.¹³⁹, подчеркивая, что они могут встречаться и в конце IX в.

¹³⁴ ИНВ. 2698/150, раскопки 1947 г.

¹³⁵ ЗГ-73-75/303, ЗГ-84/145.

¹³⁶ САЭ-04/170, 428; САЭ-09/193; САЭ-04/64.

¹³⁷ Волковицкий А. И., Селин А. А., Френкель Я. В. Охранные раскопки в Старой Ладоге в 2004 г. (предварительное сообщение) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы LII заседания, посвященного памяти профессора А. Р. Артемьева. 288–297. Псков, 2007. С. 289, 295, 293. Рис. 4, 9.

¹³⁸ Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000. С. 64, 93; МЕР-216; С. 76, 93; МЕР-256; С. 82, 94; МЕР-278.

¹³⁹ МЕР-256 в названной работе не датирован, в тексте помещено лишь описание данной «минимальной единицы рассмотрения» (Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000. С. 76). В таблице «Распределение МЕР бус по могильникам» данные об этой МЕР также отсутствуют (Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000. С. 306–315).

Какой-либо корреляции между формой бус, сделанных из таких мозаичных заготовок, и их датировками, как будто, не наблюдается.

Для материалов Северной Европы Ю. Кальмер, обозначивший в работе 1977 г. подобные бусы, как типы J001₂, J002 и H001_{2,3}, делает интересное наблюдение. Бусы J001₂¹⁴⁰, согласно выкладкам исследователя, преимущественно датируются IX в., а бусы H001_{2,3} – преимущественно X в. Правда, следует учесть, что в группу H001 Ю. Кальмер включает, помимо типов H001_{2,3}, еще типы H001_{1,4,5}, изготовленные из мозаичных заготовок, не таких, какие использовались для изготовления бус II-1-1-1. Но два комплекса некрополя Бирки, включающие бусы, изготовленные из интересующих нас мозаичных блоков, несомненно, датируются X в., причем не раньше его второй трети. В одном случае (Бирка-946) на такую дату указывает овальная фибула типа 42, по типологии Я. Петерсена¹⁴¹, и поздняя фаянсовая ребристая бусина, в другом (Бирка-968) – монета первой трети X в., поздняя фаянсовая ребристая бусина, крупная продольно-рифленая бусина бесцветного прозрачного стекла и черно-белая продольно-полосатая лимонообразная бусина¹⁴².

В этом месте работы Ю. Кальмера наблюдается некоторое противоречие: в каталожном разделе работы в составе погребения Бирка-946¹⁴³ отмечена бусина как раз типа J001¹⁴⁴. Возможно, это – издержки увлечения морфологией, и в Северной Европе, так же, как и в Восточной, для данного случая не наблюдается сколько-нибудь надежной корреляции между формами бус, изготовленных из одинаковых мозаичных блоков-заготовок, и их датировками.

Тем более что в более поздней работе 1997 г. Ю. Кальмер отметил бусину J001₂¹⁴⁵, как типичную для первой четверти IX в.¹⁴⁶ На наш взгляд, здесь важнее другое: верхняя дата бус, сделанных из тех же мозаичных заготовок, что и тимеревская бусина П-1-1-1, в Северной Европе помещается

¹⁴⁰ Так Ю. Кальмер суммарно обозначает рассматриваемые типы J001 и J002.

¹⁴¹ Jansson I. Ovalle Shalenspangen // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 47.

¹⁴² Заметим, что на раннедревнерусском Северо-Западе перечисленные бусы X в. датируются скорее с середины – второй половины X в.; верхняя их дата уходит в XI в.

¹⁴³ В каталоге Ю. Кальмера – № 278. См.: Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. // Acta archaeologica Lundensia. Series in 4°. Nr 11. Lund, Bonn, 1977. P. 31.

¹⁴⁴ Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. // Acta archaeologica Lundensia. Series in 4°. Nr 11. Lund, Bonn, 1977. P. 31.

¹⁴⁵ В обозначениях работы 1977 г.

¹⁴⁶ Callmer J. Beads and bead production in Scandinavia and the Baltic Region ca. 600–1100 AD: a general outline // Perlen. Archäologie, Techniken, Analysen. Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim vom 11 bis 14. November 1994. Bonn, 1997. Pl. 16, B.

достаточно глубоко в X в. И, как оказывается, не только в Северной. Среди бус городища Супруты есть круглая бусина¹⁴⁷, изготовленная из такого же мозаичного блока, что и бусина II-1-1-1. Эта бусина находилась в составе ожерелья погребения¹⁴⁸ одной из жительниц городища Супруты, погибшей во время штурма. Городище, как уже отмечалось, было подвергнуто разгрому уже в X в., скорее всего — не раньше второй четверти столетия.

Итак, и севернее и южнее Тимерево мозаичные бусы, технологически сопоставимые по мозаичным заготовкам с бусиной II-1-1-1, бытуют до X в. включительно.

Мозаичная бусина II-1-1-2. Мозаичные блоки, идентичные использованным для изготовления бусины II-1-1-2 95-го кургана, как и в предыдущем случае, применялись для изготовления бус разной формы. Это было отмечено в классической работе З. А. Львовой¹⁴⁹. Нам известны 7 экземпляров таких бус, найденных в Старой Ладоге: две — из материалов раскопок В. И. Равдоникаса¹⁵⁰, одна — из раскопок Г. Ф. Корзухиной в Каменной крепости, три — из раскопок А. Н. Кирпичникова¹⁵¹, одна — из охранных раскопок 2004 г. на правом берегу р. Ладожки¹⁵². Суммарно бусы датируются от 840-х гг. до 950-х гг., достаточно равномерно распределаясь в толще культурных напластований, отвечающих этому интервалу. О бусах такого облика в ареале Салтово-маяцкой культуры пишет В. Б. Ковалевская¹⁵³, датируя эти бусы IX в.¹⁵⁴

Заметим, что наиболее ранние бусы, изготовленные из тех же мозаичных заготовок, что и бусина II-1-1-2, имеют уплощенно-квадратную форму, не встречающуюся позднее самого начала X в. При этом те бусы рассматриваемой серии аналогий, форма которых в наибольшей степени

¹⁴⁷ ГИМ, коллекция 2714/9.

¹⁴⁸ Погребение VII, 209/1.

¹⁴⁹ Львова З. А. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Часть I // АСГЭ. Вып. 10. Л., 1968. С. 70. Рис. 1, 29, 31.

¹⁵⁰ ЛГ-866, раскопки 1957 г.; ЛДГ-149, раскопки 1959 г.

¹⁵¹ Нам известны 2 полевых шифра: САЭ-03/275 и САЭ-08/603. — См.: Кирпичников А. Н. 1) Раскопки староладожского «Земляного городища» в 2003 г. // Старая Ладога. Первая международная археологическая экспедиция-школа. СПб., 2004. С. 251–284, 265; Рис. 8, № 275; 2) Раскопки в Старой Ладоге в 2008 г. // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. Вып. 3. СПб., 2012. Рис. 6, вторая слева в нижнем ряду (цветная вкладка между страницами 44 и 45); Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Каталог выставки. ГИМ, М., 2012. С. 69. Каталог, № 134, третья низка снизу, третья слева и пятая справа позиции. Пользуемся случаем сердечно поблагодарить А. Н. Кирпичникова за предоставленную возможность работать с коллекциями из раскопок Старой Ладоги.

¹⁵² АЭ СЛМЗ-2004/32, отвал.

¹⁵³ Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000. С. 93; МЕР-249, возможно — МЕР-221.

¹⁵⁴ Там же. 2000. С. 65, 74.

близна форма тимеревской бусины, датируются не раньше староладожского горизонта Е₁ — т. е. не древнее последней трети IX в.

Итак, мозаичные бусы, технологически сопоставимые по мозаичным заготовкам с бусиной II-1-1-2, датируются до середины X в. включительно. Нижняя их хронологическая граница в рамках IX в. с большей вероятностью локализуется в последней трети этого столетия.

Мозаичная бусина II-1-1-3. Подобные бусы немногочисленны¹⁵⁵. Нам известно только два подобных экземпляра, совпадающих по колористической гамме с бусиной 95-го кургана. Один из них найден в Прикамье¹⁵⁶ — Неволинский могильник, погребение 158. Согласно выкладкам Е. В. Голдиной, бусина относится к хронологической группе VIII–IX вв.¹⁵⁷ Второй экземпляр обнаруживается в могильнике Бирки, в упомянутом выше комплексе Бирка-968, датирующемся развитым X в. Близкий, но отличающийся по цвету стекла экземпляр происходит из погребения Бирка-1081, датированного X в.¹⁵⁸ Бусы, аналогичные тимеревскому экземпляру II-1-1-3, в Старой Ладоге нам не известны. Среди материалов этого памятника есть бусы, сопоставимые с интересующей нас бусиной. О таких бусах З. А. Львова писала: «сделаны крайне небрежно из двуцветных мозаичных палочек (уровень построек и верхний слой горизонта Д, рис. 1, 43, 44)»¹⁵⁹. Под не очень удачным термином «уровень построек ... горизонта Д» тут подразумеваются плотно спрессованные деревянные конструкции горизонта Е₁-верхнее (890–920-е) и нижней части горизонта Д-нижнее (920–950-е). По названным причинам нижняя граница даты бусины II-1-1-3 на нашем уровне знания в пределах IX в. точно не определяется. Учитывая поздние даты комплексов Бирки и датировку сопоставимых бус Ладоги, более вероятным представляется скорее заключительная часть этого столетия. Верхняя хронологическая граница глубоко уходит в X в.

Таким образом, для всех полихромных хронологически значимых бус 95-го кургана верхний рубеж интервала совместного бытования — вторая четверть X в. Нижняя граница интервала совместного бытования в рамках IX в. определяется плохо — сколько-нибудь уверенно с формальной точки

¹⁵⁵ Аналогии, которые можно обнаружить в работе В. Б. Ковалевской, отличаются полихромией и не могут быть корректно использованы для решения нашей задачи (Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000. С. 72, 93; МЕР-241, МЕР-242).

¹⁵⁶ Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец VI – IX в.). Ижевск, 2010. С. 38. Тип VB16. С. 135. Рис. 25.

¹⁵⁷ Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец VI – IX в.). Ижевск, 2010. С. 143. Рис. 33.

¹⁵⁸ Hägg I. Kvinnodräkten I Birka. Livplaggens rekonstruktion på grundval av det arkeologiska materialet // Aun 2. Uppsala, 1974. S. 140.

¹⁵⁹ Львова З. А. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Часть I // АСГЭ. Вып. 10. Л., 1968. С. 70.

зрения можно отбросить только первые четыре десятилетия этого столетия. Наиболее вероятным представляется конец IX в. С такой предположительной датой хорошо согласуется и негативный признак отсутствия в ранних древнерусских памятниках бус из рубчатой проволоки ранее конца IX в.

Итак, хронологически важные для датировки трупосожжения кургана 95 каменные бусы бытуют начиная со второй четверти X в. (верхняя хронологическая граница таких бус в данном случае не существенна). Комбинация стеклянных мозаичных бус кургана 95 датируются от конца IX в. до середины X в. Этого достаточно для того, чтобы датировать трупосожжение 95-го кургана второй четвертью X в.

При этом наблюдается любопытная закономерность. Хотя дата стеклянных бус с формальной точки зрения ограничена сверху второй четвертью X в. включительно, следует признать, что большая часть рассмотренных аналогий в тенденции датируется несколько более ранним временем. Разница составляет около 30 лет — время жизни одного поколения. Заметим еще раз, что в 95-м кургане были кремированы женщина 40 лет и ребенок до 2 лет.

Итак, каменные бусы, пострадавшие от пребывания в огне (бусы «группы 1»), дают в тенденции более позднюю дату. Практически все стеклянные и металлические бусы, не несущие следов пребывания в огне («группа 2»), дают в тенденции более раннюю дату, и этой дате не противоречит широкая датировка нескольких необожженных сердоликовых бус, входящих в эту группу. Бусы «группы 1» входили в погребальный убор. Бусы «группы 2» — это, скорее, погребальный дар. С формальной точки зрения такая ситуация помогает произвести узкую датировку. Но помимо формально-хронологической есть еще с трудом формализуемая «культурная» сторона анализа.

Позволим себе сформулировать интуитивно понятный специалистам, но едва ли поддающийся формальному обоснованию тезис: бусы «группы 1» и «группы 2» — разностильны, они как бы отражают разные эстетические приоритеты. Кроме того, получается, что в тенденции эти бусы разновременны. Конечно, интервалы бытования бус обеих групп пересекаются, т. е. эта разновременность не явная, едва уловимая, в масштабах возможностей археологического датирования она скорее угадывается. И, наконец, в рамках погребального обряда бусы этих групп использовались по-разному. Слишком много совпадающих позиций разделяют бусы этих групп, чтобы считать такое явление случайным!

В литературе¹⁶⁰ встречается трактовка погребального убora славян, как соотносимого со свадебным — своеобразное «обручение со смертью».

¹⁶⁰ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948; Сабурова М. А. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 266–271; Недошивина Н. Г. Древнерусские амулеты в виде миниатюрных

Предположим, что это верно и для скандинавского погребального убora. Может быть, имеет смысл поискать решение вопроса о наметившейся разнородности бус «группы 1» и «группы 2» в этом направлении?

Но прямая попытка приложить такое объяснение к ситуации с двумя группами бус трупосожжения 95-го кургана не приводит к успеху: не получается достоверного объяснения намеченной разницы бус двух групп. Не помогает и предположение, что бусы более поздней «группы 1» принадлежали ребенку, а бусы «группы 2», в тенденции более ранние, принадлежали женщине, являясь частью ее некогда составленного свадебного убora. Такое предположение способно объяснить хронологическое расхождение, но никак не объясняет, почему этот элемент свадебного убora не был включен в погребальный убор.

Но если бусы «группы 1», являясь частью погребального убora, датируются второй четвертью X в., то как тогда интерпретировать погребальный дар — бусы «группы 2», в тенденции датирующиеся несколькими десятилетиями раньше?

Позволим себе очень осторожное предположение. Погребальный убор — не обязательно именно тот убор, в котором погребенная некогда проходила свадебный обряд. Во всяком случае, этот убор за послесвадебный период, предшествующей смерти, был модифицирован: частично или полностью обновлен. Тогда ожерелье, входящее в погребальный убор, оказывается составленным из бус, бытовавших в живой культуре на момент смерти погребенной. А погребальный дар — бусы «группы 2» — действительно могут быть синхронны тому времени, когда погребенная проходила свадебный обряд. Этим соображением можно объяснить хронологическое расхождение между бусами «группы 1» и бусами «группы 2».

Данное предположение помогает понять указанную выше известную противоречивость некоторых североевропейских комплексов (Бирка-515, Хедебю-77), в которых сравнительно ранние фибулы (типа 17 и 27, по типологии Я. Петерсена) и сравнительно ранние стеклянные бусы сочетаются со сравнительно поздними каменными бусами. Если на время жизни погребенных приходится смена моды на тот или иной компонент праздничного костюма (переходный этап), то это не приведет ни к каким противоречиям в исследовании элементов убora. Допустим, что в комплексах погребены люди пожилого возраста. Тогда будет осуществлено формально безупречное с методической точки зрения сближение верхних и нижних интервалов бытования типов ранних и поздних артефактов, найденных в едином закрытом комплексе. Но скорректированные по таким комплексам даты типов артефактов будут распространяться на все

предметов быта и их роль в погребальном обряде // Погребальный обряд / Труды ГИМ. Выпуск 93. М., 1997. С. 80–108.

рассматриваемые выборки данных типов. Это будет приводить к «перекосам» в хронологической системе.

В нашем случае выявляется хронологическое расхождение примерно в 30 лет между североевропейской шкалой, основанной на погребальных комплексах, и «волховской» шкалой, базирующейся на поселенческих материалах. Об этом нам уже приходилось писать¹⁶¹. Причин такого расхождения несколько, и, похоже, сейчас мы выявили еще одну такую причину.

Состав бус «группы 1» 95-го кургана очень похож на бусы из кургана 7 скандинавского могильника Плакун¹⁶², причем сходство это не исчерпывается неоднократно отмечавшимся в литературе присутствием бус из серебряной рубчатой проволоки. Если мы правы, то это — не случайное сходство: женщины, погребенные в обоих курганах, родились примерно в одно время, и принадлежали к одной (или близкой) субкультуре, но женщина, погребенная в 95-м кургане Тимеревского могильника, прожила несколько дольше. Или, учитывая возраст погребенной в 95-м кургане (40 лет), может быть, правильнее сказать, что женщина, погребенная в кургане 7 могильника Плакун, прожила меньше.¹⁶³

Если мы правы, то есть шанс снять еще одну причину расхождения североевропейской и «волховской» хронологических шкал. Мы осознаем рискованность сделанного предположения. Его надежное обоснование потребует развернутой аргументации, далеко выходящей за тематические рамки настоящей статьи.

¹⁶¹ Френкель Я. В. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы ЛIII заседания. Псков, 2008. С. 244–245.

¹⁶² Корзухина Г. Ф. Курган в урочище Плакун близ Ладоги // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 59–64; Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 156–169; Френкель Я. В. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы ЛIII заседания. Псков, 2008. С. 239–241.

¹⁶³ Заметим, что если погребальный обряд представлен ингумацией, то разницу между бусами, входящими в состав убора, и бусами, входящими в состав дара (брошенными на тело погребенной или рядом с ней), уловить сложнее (хотя и возможно при тщательной фиксации). Еще сложнее уловить такую разницу, если бусы, играющие роль дара, были брошены не на погасшее кострище, а непосредственно в пламя погребального костра.

А. С. Смирнов

Москва

Ярославль в истории дореволюционной археологии. Наука и идеология

Ярославль занимает особое место в истории российской дореволюционной археологии. Это единственный неуниверситетский город, где прошли два археологических съезда — VII Археологический съезд (1887) и I Областной археологический съезд (1901).

В этом отношении с Ярославлем могут конкурировать только Москва, место проведения I (1869) и VIII (1890) археологических съездов, и Киев, где были проведены III (1874) и XI (1899) съезды. Но Первопрестольная и «Матерь городов русских» занимали несравненно более выдающее место в русской истории, нежели Ярославль, и были признанными университетскими центрами России.

Чем же можно объяснить неожиданное предпочтение организаторов VII археологического съезда, решивших провести его на берегах Волги, в сердце российской провинции, а не в университете малороссийском Харькове, как было решено на предыдущем VI съезде в Одессе (1884)?

По устоявшейся в отечественной историографии традиции, основание которой положили высказывания П. С. Уваровой, перенос места проведения съезда в Ярославль объяснялся смертью ее супруга, графа А. С. Уварова, что якобы затрудняло проведение съезда в Харькове. Оставляя на совести графини утверждение, что провести съезд в университете Харькове труднее, нежели в Ярославле, постараемся понять, чем этот город привлек внимание Прасковьи Сергеевны.

Если следовать логике П. С. Уваровой о минимизации усилий по организации съездов, подорванных смертью ее супруга, логичнее было обратить взоры на Владимир. Это один из древнейших городов Руси, столица Владимирского княжества, связанный с именами Владимира Мономаха, Андрея Боголюбского. В городе расположены уникальные памятники

